

Разведение рыбы, прудово-охозяйствование

Глава рыбного хозяйства в медвежьих владениях.

Разведение рыбы: начало

Я уже говорил о разведении рыбы. Со временем спрятанные лужи превратились в пруды, водяные сады и водяные рвы. Из моей первой лужи в 1 кв. — сегодня в моих владениях более 3 га водной поверхности. Вначале я разводил форель, красную форель, хариуса, карпа, щуку, судака, сома, а также семейство бело-серебристых карпов. Раки, моллюски и водяные улитки прекрасно размножались у меня. Эта работа была очень интересна. Многие люди, имевшие неиспользованную воду в горах — пруды, рвы и речушки, стали интересоваться моим способом хозяйствования. Часто они не могли поверить в то, что скромный ручеёк или пруд может развиваться во впечатляющую своим многообразием жизнь в воде. Благодаря этому они захотели и у себя сделать такое же.

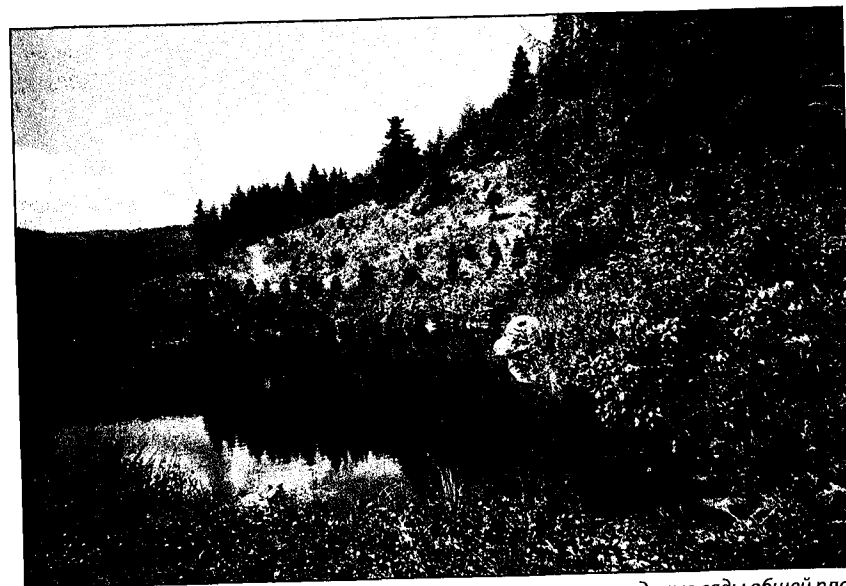
В самом начале разведения рыб я должен был сам научиться этому, а также платить деньги за учёбу. Сначала я строил пруды по книжке «Ведение прудово-хозяйства», чтобы по возможности сделать всё рационально и точно. Поэтому пруды были квадратными, прямоугольными и с крутыми берегами. Их можно было слить и продезинфицировать жжёной известью. В них не было камней и корней, которые могли бы препятствовать вылавливанию рыбы сетью.

На берегах не должно было быть деревьев и кустарников, в которых могли бы спрятаться враги рыб: цапля, голубой зимородок и другие. Плотины и дамбы прокладывались частично трудоёмким способом, с плёночной изоляцией.

Все эти ошибки я делал сам. Вначале также выкармливал рыб отходами из мясной лавки, потом перешёл на сухие корма, которые появились в торговле. Это приносило большие расходы, к тому же, потребовались различные, необходимые для лечения рыб средства. Препараты, которые сегодня запрещены (такие, как «малахит»), применялись тогда.

Всё, чему я учился, я тут же применял на практике и был даже убеждён, что делаю правильно, и у меня всё получится. Рыб, раков и мальсков я мог продавать за хорошие деньги. И если вначале в нашем регионе я был вне конкуренции, то вскоре возникли большие и маленькие рыбные хозяйства.

Вначале мной, как пионером этого дела, восторгались, но со временем я должен был понять, что другие находятся в более выгодных условиях. Князь Шварценберг в Мурау построил рыбное хозяйство и был в несравнимо лучших условиях в долине, чем я на горе. Имея такого конкурента, нужно было просто признать, что только одна реклама имени — «Рыболовное хозяйство Князя



После первых вручную выкопанных луж постепенно возникли водяные сады общей площадью водной поверхности более 3 га.



При моей системе строительства прудов ковшом экскаватора дно пруда взрыхляется, утрамбовывается и разглаживается как бетонное покрытие. Перед этой работой необходимо наполнить его водой на 30 см.

Шварценберга» — будет выигрышнее. Эта ситуация заставила меня искать новые возможности хозяйствования. Что же сделать?

Расположенные здесь, в экстремальных горных условиях, озёра и речушки и точное представление развития этих биотопов, а также рыб в них показали мне, что большая площадь берега и зон мелководья или растительного покрова берега, а также поваленные деревья, камни или осыпи — всё это может стать прекрасным местом для развивающейся, самообеспечивающейся системы круговорота воды в природе. И я понял, что в подходящих биотопах можно запустить хозяйственный круговорот с различными водными формами жизни, которые впоследствии смогут сами себя обеспечивать.

Я начал перестраивать водоёмы, соединил пруды с маленькими водоёмами и рвами, заполненными водой. Так получились водоёмы с глубокой и мелководной зоной. В эти глубоководные, мелководные и растительные зоны были положены камни, корни деревьев, ветки, благодаря чему могла появиться защищённая зона для кладки яиц, икры, для каждого вида живности.

В длинных береговых зонах падают насекомые и семена растений, а также разлагается растительный материал — всё это хороший корм, к примеру, водяным улиткам, моллюскам, которые, в свою очередь, являются питанием для рыб. Таким образом осуществляется круговорот в природе, при котором искусственное питание становится излишним. Лягушки, которые сильно размножаются в таких природных биотопах, регулируют популяцию насекомых на суше и служат, если они возвращаются в воду, питанием для хищных рыб.

Это древняя система ещё эффективна и имеет много преимуществ. Чрезмерную популяцию улиток любого вида, а также испанской коричневой или нехруща июньского регулируют природными способами лягушки, жабы, саламандры. Размножение этих амфибий возможно через систему подходящих биотопов, одновременно с этим они сами являются необходимым живым кормом для рыб.

Альтернативные возможности кормления рыб

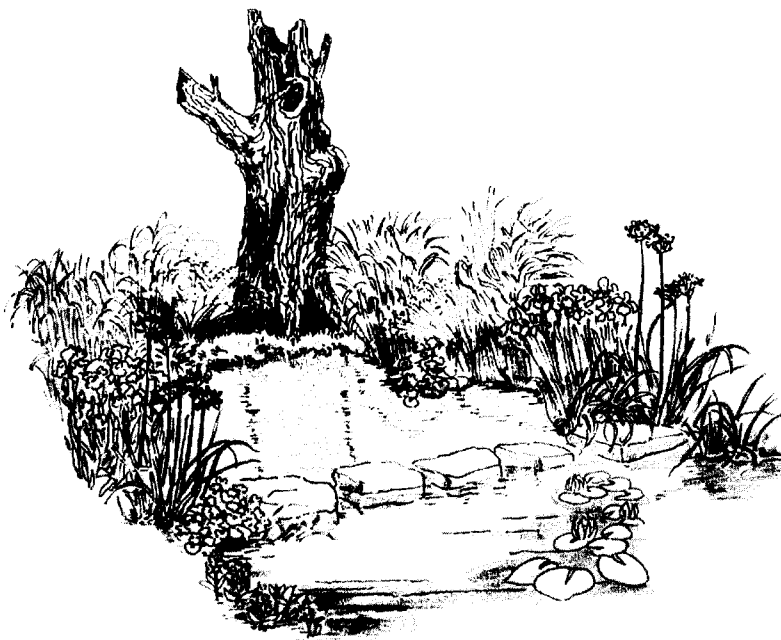
Для поддержания питания рыб можно использовать источник света. К примеру, 12 Вт лампочку, с наступлением сумерек включающуюся автоматически, почти над самой поверхностью воды. К этому свету слетаются различные насекомые, которые являются лучшим кормом для молодняка. Рыбы хватают их, выпрыгивая из воды. Ещё можно смазать мёдом или чем-то другим ароматным плоскую посуду, запах тоже будет привлекать насекомых, которые станут питанием для мальков.

Также мясо и неполноценные внутренности от вынужденного убоя скота подходят для скормливания. Эти кусочки или кладутся на сетку над водой, привлекая мух, мошек, которые так же, как и личинки, являются высококачественным кормом для рыб, или скормливаются свежими.

Разнообразные задачи водяного сада

При разведении водных растений различных сортов, раков, декоративной рыбы, моллюсков — чтобы на такой высоте всё это прекрасно росло и размножалось — необходимо учитывать следующее:

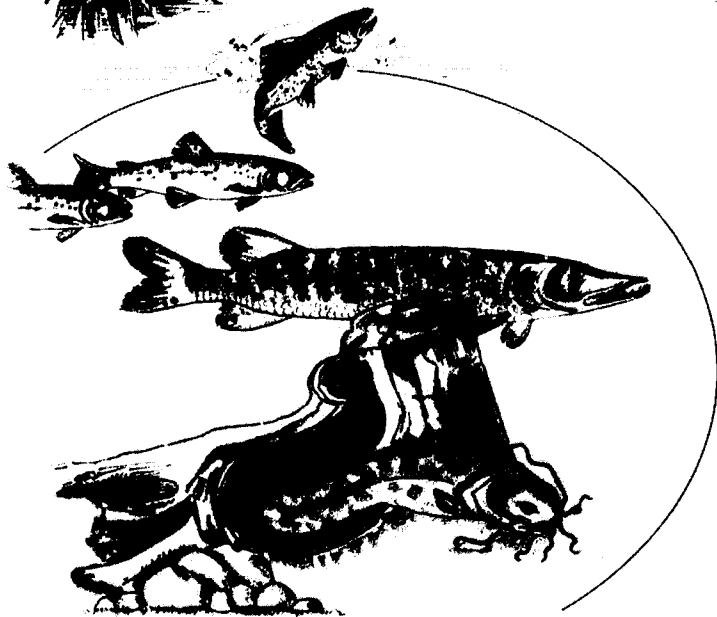
- водоём должен быть сооружён по отношению к склону так, чтобы создать ловушку для ветра и солнечных лучей;
- внесение камней и стволов деревьев в пруд служит для облегчения работ. Камни, к тому же, выполняют роль накопителя тепла (излучение солнечного тепла в воду отражается и соединяется с отражённым теплом воздушного потока от склона — так функционирует тепловой накопитель). Кроме того, камни и стволы деревьев служат убежищем для различных водных животных и способствуют пышному росту водных растений.





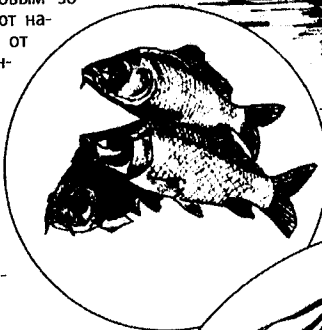
Сообщество животных

Водоплавающая птица (разведение её и диких животных) находит в береговых зонах достаточно места для гнездования, она регулирует: насекомых, рыбную, моллюсковую и раковую популяцию, так что дегенерации не происходит.



Аквакультура – разведение рыб

Подготовкой места обитания и созданием биотопов для различных водных форм жизни достигается круговоротное хозяйствование, которое само себя обеспечивает. Большие пруды — это соединённые между собой рвами маленькие пруды с мелководной и глубоководной зонами. В этих так называемых глубоко- и мелкотравянистых зонах с песочными рвами и проточной водой, с внесёнными камнями, корнями, ветками и стволами деревьев для молодняка каждого вида животных создаётся защищённое место. Благодаря длинным береговым зонам в воду попадают насекомые и семена от растений, поломанные и истлевшие веточки — так создаётся кормовая поверхность, к примеру, для водяных улиток. Такой природный круговорот делает ненужными кормление, а также искусственные корма.



Лягушки, которые в этих натуральных биотопах сильно размножаются, регулируют на суше популяцию насекомых и сами служат кормом в воде.

Этим природным и дешёвым методом кормёжки разводятся все виды рыб и даже такие хищные, как щука, судак, сом или осётр. К тому же, предложенные сухие готовые корма из магазинов они не берут. Этот корм изготавливается, между прочим, и из кровяной рыбной и мясной муки. Я лично не хотел бы, чтобы моя рыба потребляла это. На мой взгляд, это несёт с собой опасность заражения таким заболеванием, как ящур.

Многообразие рыб в одном водоёме

Природная конструкция водяных садов позволяет разводить и содержать хищных и мирных рыб вместе. Для каждого вида при этом должен быть создан подходящий биотоп для размножения и дальнейшего развития.

Для форели и гольца нужны чистая холодная проточная вода и песочные мелководные береговые зоны или рвы для икрометания, а также для развития мальков. С этой целью я подвёл рвы с проточной водой, наполнив их песком и гравием.

Для карпа, щуки, сома, линя и уклейки я заложил множество мелководных береговых зон с буйно разросшимися водными растениями. Эти рыбы мечут икру в травянистых зонах. Для судака я заложил корни и множество мелких корневищ на глубину, где эта рыба может метать икру. Эти зоны икрометания разбросаны в большом количестве во многих местах пруда.

Благодаря дополнительному внесению камней, корней и целых деревьев я создал множество защищённых зон, которые отображают естественные условия. Так становится возможным для мальков вырасти в защищённых от хищников местах.

Для уравнивания температуры в пруду нужно, чтобы были глубоководные зоны, где форель и голец имеют возможность летом охладиться после тёплой поверхностной воды. В холодное же время года рыбы, любящие тепло, находят такие зоны для себя, так как там, на глубине, самая тёплая вода для перезимовки. Так можно наилучшим образом привести в соответствие требования различных видов рыб в одном водоёме.

Благодаря строительству так называемых рыбных «детских садов» я достиг следующего:

- рыба легко достигает этого места через ров; здесь оптимальные условия для икрометания для всех видов рыб — дебри корней и растений, а также глубоководие и мелководие с песочными отмелями;

- рыба, которая от природы мигрирует к местам нереста, с удовольствием использует эту возможность, путешествуя в «детский сад», однако из-за стеснённых условий чувствует себя здесь неуютно и сразу же после нереста возвращается назад, в большую воду;

- мальки здесь хорошо развиваются, получают достаточно пищи, поступающей с различными притоками воды, и могут позже с течением выплыть в пруд

или озеро, где благодаря корням и стволам деревьев не становятся лёгкой добычей для больших рыб.

Камни для тёплой воды

Следующий позитивный эффект от камней в прудах, наряду с функцией биотопа для живых существ, — это регулирование температуры воды. Камни, торчащие из воды, сильно нагреваются от солнечных лучей и отдают это тепло в воду. Интенсивность нагревания камня можно увеличивать с помощью вогнутых зеркал, при этом нужно учесть, чтобы камень не лежал на берегу во избежание возникновения пожара. Нагреваемый несколькими рефлекторами, камень может раскалиться докрасна.

Через регуляцию притока воды и достаточное количество камней можно достичь желаемой температуры воды. Так становится возможным выращивание в горах кувшинок и редкого, требовательного к теплу, японского карпа кои. Эти познания открывают много альтернативных возможностей в аквакультуре.

Так мною создан абсолютно новый круговорот системы прудов, которая после заселения регулируется самостоятельно. Мне хватает рыбы с избытком для продажи, а то, что остаётся, становится кормом для хищных рыб. Так что у меня практически нет работы — система содержится и регулируется сама.

Важно, конечно, чтобы заселение соответствовало площади воды. Моя задача состоит только в том, чтобы регулировать численность рыб, вылавливать крупных хищных рыб и мирных для еды. Этот способ хозяйствования привёл меня к идее организовать спортивный лов крупной рыбы.

Клуб спортивной ловли рыбы

На протяжении многих лет из-за постоянного строительства и расширения в Крамтерхофе ни я, ни мой персонал не имели времени для контроля и присмотра за спортивной ловлей рыбы. Следствием явилось нелегальное вылавливание и вывоз в больших количествах рыбы, которую продавали в гостиницах дешевле, чем я. После того, как мне сообщили об этом из многих гостиниц, органы присмотра залегли в засады. Через несколько недель был пойман десяток воров, среди которых были гости, местные жители, а также коллеги по школе. В некоторых тяжёлых случаях я заявлял в полицию. Масштабы были настолько значительны, что некоторые воры должны были годами расплачиваться за нанесённый ущерб. Особенно кровавый случай произошёл с незнакомцами-браконьерами, всыпавшими в пруд мою порошок и захваченными с поличным. Убыток был колоссальный. На основании этих случаев в конечном итоге я закрыл спортивную ловлю рыбы. И получил урок, что в этой области никому не могу доверять, и что это было бы возможно и имело бы смысл только под тотальным контролем.

Сегодня я использую пруды для собственных нужд и гостей экодеревни.

Пруды и водяные сады использовались всегда также для разведения водяных растений, таких, как кувшинки, моллюсков, раков и улиток семейства прудовиков. В то время я закладывал влажные биотопы и пруды для клиентов, которым я мог продавать выращенный у меня растительный и животный материал.

Восстановление прудов

В ходе экологической перестройки водных площадей мной была убрана ранее заложённая плёнка. Благодаря разработанной мной системе строительства прудов, с перетряхиванием дна, получают пруды с естественной изоляцией.

Это происходит следующим образом: в выкопанный пруд запускается вода так, что экскаватор стоит на 30-40 см в воде. Затем по возможности узким ковшом дно перетряхивается, в зависимости от геологического расположения пруда экскаватор втыкает ковш на глубину от полуметра до 1 метра и перетрясает её, за счёт чего мелкие частички опускаются на дно и уплотняют его, а грубые остаются на поверхности. Воздействие примерно такое же, как в бетономешалке.

Мой способ является полной противоположностью того, что изложено в учебных книгах по прудоводству, где рекомендуется покрывать дно плёнкой или глиной. Эти, с моей точки зрения, колоссальные трудозатраты не дают гарантии изоляции дна. Плёнка может порваться, а глина, даже через маленькое отверстие, может быть вымыта, и вода размягчит нижние слои почвы, воронкообразно размывая себе дорогу. Что может привести к оползням. Такой негативный опыт мне пришлось пережить самому.

Правовые проблемы строительных проектов

Здесь я хотел бы немного забежать вперёд. Являясь владельцем земли, нужно иметь цель и точно знать, что ты хочешь. Необходимо иметь ясный план в голове, знать, какие ждут тебя ограничения и предписания госструктур. А также ясно представлять экономическую цель. Я должен знать, что я хочу!

В начале моих строительных работ я сделал ошибку: ещё в фазе планировки досконально изложил госструктурам мои намерения и был наивно уверен, что они проконсультируют меня наилучшим образом. По правде говоря, это был донос на самого себя тогда, когда работы были уже начаты. Позже я понял, что все мои проекты требовали не только разрешений, но и, во многих случаях, специальных разрешений, планов, проектирования и геологических исследований. Весь этот процесс, мягко говоря, было просто невозможно профинансировать. Выходило намного дороже, чем запланированные расходы на строительство. Нижеприведённый пример, один из множества, поясняет это.

В конце 60-х годов я хлопотал о разрешении на строительство маленькой электростанции, в Тамсвеге, а в правительство Земли Зальцбург я подал ходатайство на финансирование проекта. Моей целью было провести воду с верхних



Центральный элемент — вода, вплетается мной в круговорот.



Мелководье и растительные зоны, а также длинная береговая полоса являются хорошими кормовыми площадями для натурального разведения рыб.

прудов, с высоты 1500 м над уровнем моря, к нижним прудам, на высоту 1300 м над уровнем моря. «Пелтон»-турбиной я хотел вырабатывать электричество, а после направлять воду в нижние пруды.

Сначала меня обязали предоставить проектные документы, оценочная стоимость которых составила 68 000 шиллингов (4 942 евро). К тому же, пришлось посетить всевозможные правовые слушания в Водных Ресурсах и т. д. Я должен был только за так называемую «бумажную войну» заплатить 100 000 шиллингов (7 267 евро), но это не гарантировало, что я получу разрешение от компании по электрификации.

Только за монтаж и запуск турбины мне полагалось заплатить 150 000 шиллингов (11 483 евро) согласно справки из этой компании, чтобы вообще иметь возможность запустить электроэнергию в сеть. Зимой я должен был получить 0,26 шиллинга за 1 киловатт/час, летом, соответственно, меньше. При ожидавшихся 7,4 киловатта такие инвестиции не имели смысла. Это был официальный путь.

После коротких раздумий я распрощался с этим проектом, забрал документы назад и тут же начал строительство. На вопросы, что я здесь делаю и начал ли я строительство электростанции, я отвечал — нет, для меня это очень дорого, я этого делать не буду, я работаю над срочно необходимыми мне сооружениями, обогащающими кислородом пруды для разведения рыб. Так я, удовлетворив любопытство интересующихся, смог спокойно работать дальше.

Для этой «системы обогащения кислородом воды» я купил бывшую в употреблении «Пелтон»-турбину у крестьянина из Лессаха за 250 шиллингов (18 евро), отремонтировал и встроил её. А подключение генератора я аргументировал так:

— Турбина без подключения к генератору шумит так, что её слышно возле дома, очень неприятный звук. Я «вынужден» был подключить генератор, шумовая проблема была решена, теперь я мог спать спокойно.

Такой аргументации ничего нельзя было возразить. Так я начал вырабатывать электроэнергию, которой пользуюсь и сегодня. «Я убил двух мух одним ударом» — обеспечил кислородом рыб и имел собственное электричество. Я сэкономил много денег, а органам власти — много работы. Так всегда было и будет — крестьянин может работать, быть экономически независимым и не загружать правительство. Закон позволяет, слава Богу!, не требовать помощи. Часто это, между прочим, читается между строк.

Намного тяжелее была ситуация при строительстве прудов. Проекты рыбных прудов с самого начала были геологически не совсем правильно запланированы, мне приходилось прямо на ходу вносить изменения и дополнения. Расходы на планы и разрешения были значительно выше, чем само строительство прудов. А все вместе документы составили 5 больших папок, которые я перелистывал при написании этой книги, воспоминания административного террора так задели меня, что я, закрыв папки, отправил их на чердак.

Представители интересов Федерального Союза Рыбных Хозяйств против членов Союза

Ухудшило ситуацию с получением разрешений обязательное членство в Федеральном Союзе Рыбных Хозяйств Зальцбурга. Это псевдопредставительство интересов, как я его называю, вмешивалось и навязывало мне различные предписания. «Рыбное право» оказалось отнюдь не тем, что ожидалось, в нём до сих пор действует правообладание со времён монархии. Тогда — государство, сейчас — Лесное Хозяйство, или князь Шварценберг и его потомки, которые имели права на большинство водоёмов в регионе. По моему мнению, этот закон давно нужно было отрегулировать, и права на ловлю рыбы должны были перейти к владельцам земли, как произошло с «Охотничьим правом».

Если владелец земли несёт ответственность за оползни, наводнения, укрепление берегов водоёмов и т. д., то он должен иметь право и на использование воды с выгодой для себя. По закону же, если крестьянин после наводнения найдёт рыбу, то он не имеет право взять её домой, это будет называться воровством.

В моём случае подключился Земельный Союз Рыбных Хозяйств, представляя интересы Австрийского Лесного Хозяйства, мне предписывалось встроить в озёра гидравлический монах и другие дорогостоящие сливные приспособления.

Только с годами я понял, какая ответственность легла на мои плечи с этим обязательным членством. Однажды, в день моего рождения, 24 июля, произошёл следующий инцидент: один из гостей нашего парка, из Штайреша, оказав услугу повару, выловил из пруда несколько рыб для кухни, за что тут же должен был выложить 1000 шиллингов (73 евро) штрафа, который ему предъявил оказавшийся также среди посетителей нашего дикого парка один из руководителей Союза Рыболовов. Вмешавшись, я тоже получил такой же штраф, а за отказ заплатить он схватил меня за плечи и потащил в сторону своего автомобиля.

— Сейчас мы проедем в жандармерию! — сказал он.

Для меня это было уже чересчур, схватив его за грудки, я потащил его к вольеру с медведями:

— Сейчас мы пройдем не к жандармам, а к медведям.

Нужно отметить, что я тогда имел большой вольер с парой бурых медведей, которых знал настолько хорошо, что мог гулять с ними на поводке. Гости кормили их и с удовольствием фотографировались с ними в вольере. Я знал, что с этим человеком ничего не случится, потому что я сам был рядом с ним. Он так напугался, что, вырвавшись, убежал, оставив в моих руках несколько пуговиц. Больше я его никогда не видел.

Многие посетители были возмущены поведением этого человека и оставались до поздней ночи, желая в случае появления жандармов дать свидетельские показания. Мы все опасались появления чиновников, но в этот раз ничего не случилось.

На основании Закона Рыбных Хозяйств от меня потребовалась выплата высоких членских взносов, высчитывавшихся ежегодно с общей площади водной поверхности. Позже я должен был каждый год покупать разрешение на ловлю рыбы в собственных прудах. Собственным детям и посетителям я был обязан выписывать однодневные «карточки рыбака». Должен был вести учёт рыбы в прудах и выловленной рыбы, предоставляя ежегодно цифры Союзу Рыбных Хозяйств. Это было уже вторжением в мои личные права, ведь я и без того уже был обязательным членом Крестьянского Союза, а также членом Зальцбургского Союза Охотников. Я увидел проблему в том, что такие представительства интересов с законным характером могут теоретически распространиться и на другие области хозяйствования — садоводство, плодоводство, разведение птиц или кроликов. На общественных началах это приемлемо, но когда они обретают исполнительский характер и обязательное членство, по-моему, это незаконно.

На годовом собрании Союза Рыбных Хозяйств я хотел выступить в разделе «разное» по этому вопросу. Заседание было мне чужим уже потому, что руководство стало награждать друг друга медалями из бронзы, серебра и золота. Напрашивался вопрос: за что, и как за такой короткий срок, всего несколько месяцев с момента образования Союза, они заслужили это? Мне было непонятно.

Мне были известны жалобы на крестьян, соорудивших у себя маленькие пруды. Двенадцать владельцев земли попросили меня представить их интересы. Большинство из них присутствовало на собрании, чтобы поддержать меня.

Когда вместо пункта «разное» включили фильм о разведении лососевых в Ирландии, я был против и желал озвучить перед полным залом проблему. Однако господа из президиума отклонили моё предложение, догадавшись о критике в свой адрес.

К моему столу подошёл вскорости один из заместителей руководства, попросил меня следовать за ним в президиум для решения вопроса, пока все смотрят фильм. Я был не согласен и хотел обсудить наши вопросы перед всеми. Он, обхватив рукой меня за плечи, сказал:

— Не говорите так опрометчиво, пройдёте со мной.

Для меня это было уже слишком, я оттолкнул его другой рукой от себя, споткнувшись, он полетел на сидящих. Я думал, на меня нападут его приближённые, но этого не случилось, наверное, потому, что со мной за столом сидело очень много моих коллег. Этот случай продолжился в суде, по заявлению четырёх человек из руководства. Меня обвиняли в поношении, оскорблении

чести и нанесении телесных повреждений. Каждый из четырёх имел личного адвоката, которых, в свою очередь, представлял один адвокат. Правда, на основании моих показаний обвинение в нанесении телесных повреждений с меня было снято.

— Его объятия для меня были неприятны, из-за своего волнения я чересчур резко оттолкнул его. Я же не влепил ему пощёчину. Я только не с руки оттолкнул его.

Мне долго не хотели верить, пока я не продемонстрировал судье, как всё было.

— Когда так много свидетелей, тяжело опровергнуть, — сказал судья.

В заключение, выслушав наставления судьи, я должен был выплатить 10 000 шиллингов (727 евро) четырём адвокатам.

— На этом, я надеюсь, «рыбная война» закончится, — сказал судья.

Но я опроверг его:

— Сейчас она только начнётся.

Пожать руку моим преследователям для меня на тот момент не представлялось возможным.

Ещё в тот же день, из дома, я написал письмо в редакцию ORF, на передачу «В собственном деле». Я хотел теперь на ещё большей публике обсудить те вопросы, что мне не дали высказать. Ведущим этой передачи был Хельмут Цильк. Вскоре меня пригласили на собеседование в Инсбрук. Моё напряжение возрастало, ведь это было моё первое выступление на телевидении в прямом эфире. Мне предоставляли слово на 3 минуты. Моё выступление вызвало большую реакцию, я получил много писем, мне звонили и благодарили за мужество. За этим последовала ещё одна передача, в Вене. Положительным было то, что я получил много советов от высокопоставленных чиновников и политиков. Моё недовольство Союзом Рыболовов теперь я мог открыто высказать, и искал возможность выйти из него.

Однажды мне пришла мысль подать заявление о выходе. После этого я попробовал представить себя на их месте — я бы принял предложение, чтобы избавиться от такого революционера и спасти таким способом пошатнувшееся «Рыбное право» (оно, между прочим, до сих пор действует).

30 сентября 1980 года я написал письмо об исключении меня и послал в Земельный Союз Рыбных Хозяйств. А 5 марта 1981 года получил сообщение о принятии моего заявления. Моё чувство меня не обмануло, так я избавился от членства в Союзе.

Заявления, справки и издевательства: опыт с властями

Рибернская дорога — проект через все инстанции

В 80-х годах я приобрёл у соседей и австрийского лесничества прилегающий к моему участок земли 18,5 га, в основном, с ёлочной монокультурой и лесоповалами. 10,7 га — крутой каменистый склон, непригодный для сельского хозяйства.

Этот участок растянулся от 1100 м над уровнем моря до альпийских лугов почти 1500 м над уровнем моря.

Как только участок стал моим, я начал восстанавливать его, пробуя непродуктивную почву переделать на продуктивную в агролесном хозяйстве. Я планировал высадить смешанную культуру с различными древесными, плодовыми и ягодными видами, своего рода съедобный лес.

До сих пор в своих работах я не подключал власти. Но так как этот участок был большим, необходимо было финансирование. Я подал заявление о строительстве Рибернской дороги — по названию моего нового участка. Она планировалась впоследствии стать учебной ботанической тропой шириной в 3,5 м, с наклоном в долину, без сточной канавки вдоль склона (к тому времени я имел уже большой опыт строительства таких дорог).

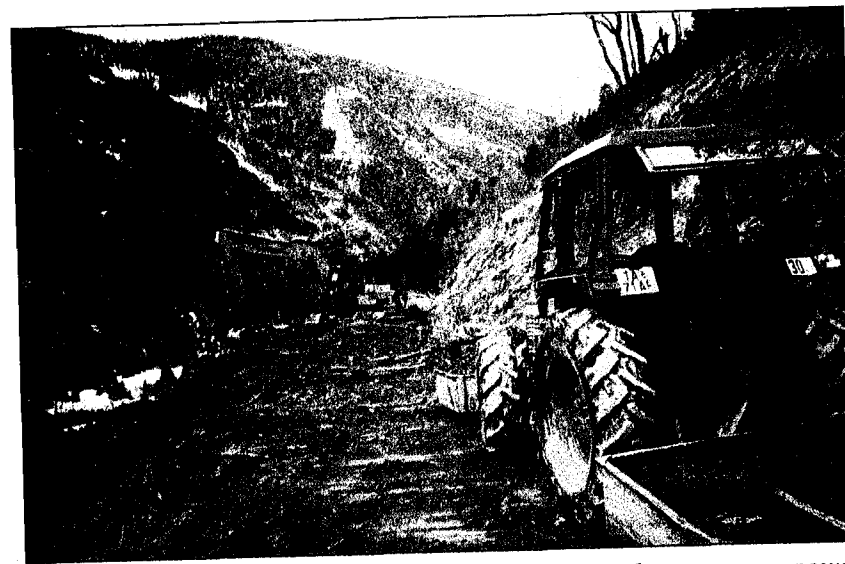
По поводу строительства дороги наши с властями мнения разошлись. В Лесничестве мне объяснили, что дорогу нужно строить в соответствии с «Лесным Законодательством» — наклоном 8 градусов, минимально 5 м шириной, и сточной канавой 1 м шириной и 60 см глубиной вдоль склона, каждые 40–50 м должны быть проложены бетонные трубы — сливы для воды, с намеченным планом дороги и под руководством властей, которые будут финансировать этот проект.

Когда стали видны масштабы срезов террас, я попробовал отговорить власти от их чрезмерных требований. Из-за большого объёма смещаемой земли и нагрузки на склон, который имел много скалистых мест и мокрых ольховников, я засомневался. Этот район сам по себе был трудным для строительства дороги.

Ни мой проект, ни моё предложение о сокращении финансирования на 30% не прошли.

— Или вы строите по предписаниям, или вообще этой дороги не будет! — коротко ответил мне дипломированный инженер Бонимайер.

Мне ничего не оставалось, как согласиться, иначе я не смог бы подключить Риберн к своей земле. Осенью 1988-го началось строительство дороги. Уже через неделю произошёл первый маленький оползень, который устранил



При строительстве террас и дорог на склонах я обращал особое внимание на равномерный уклон в долину.



При работе над фильмом «Секрет рая», который снимался на моей земле, японские телевизионщики не скупились на расходы и труды. Они даже арендовали экскаватор и вертолёт.

вернувшийся назад экскаватор, и это было ещё на относительно ровном месте. Впоследствии потребовались взрывные работы, которые привели к многочисленным оползням и убыткам. Дошло до того, что проект должны были закрыть.

Построенную в эту ширину дорогу уже невозможно было удержать. Размытые рвы вдоль склона пропускали дождевую и талую воду, и даже кустарники не выдерживали и сползали вместе с землёй. Я попробовал в этой ситуации дозвониться в областную инспекцию строительного надзора, чтобы мне разрешили засыпать сточную канаву выбранной землёй. На мой взгляд, она была главной причиной оползней, пропуская воду насквозь, которая не доходила до бетонных сливов. Все мои усилия не увенчались успехом, и даже подключённый мной адвокат ничего не смог сделать.

Убытки увеличивались, мне пришлось подключить селевую комиссию, которая должна была проверить эту дорогу. Областной инспектор лесного хозяйства предписал мне, как владельцу этого участка, предпринять срочные меры для предотвращения селей, которые грозили смыть расположенную внизу, в долине, асфальтированную дорогу. Эти срочные действия оценивались примерно в 1,3 млн. шиллингов (почти 94 000 евро).

Это означало — убрать дорогу и нести все расходы за её строительство и демонтаж. Я не мог принять это.

Ситуация была очень тяжёлой. Были подключены многие эксперты, которые сошлись во мнении, что при проектировании была допущена грубейшая ошибка. Вырисовывалась безвыходная ситуация. Я был вынужден потребовать возмещения убытков в округе Зальцбург, только так я мог оттянуть время и избежать этих мероприятий.

Разбирательство с Землёй Зальцбург прошло через все инстанции и растянулось на многие годы. В конце концов, моё заявление отклонили, утверждая, что с этим иском я должен обратиться в министерство. Только Высший Венский суд встал на мою сторону.

Сколько это потребовало от меня энергии, нервов и времени, описать невозможно. Сколько встреч с экспертами, судебных собеседований, высокий финансовый риск — всё это для меня, горного крестьянина, было напряжением сверх всякой нормы. Особенно сильно я чувствовал протест чиновников против меня независимо от их уровня на лестнице власти, ведь мой процесс был против государственных структур.

Высший Венский суд постановил: дорогу перестроить так, как я хотел в самом начале. Расходы в размере 3 млн. шиллингов (218 тыс. евро) должна была выплатить Земля Зальцбург.

Все эти годы я должен был нести ответственность за оползни. При помощи экскаватора-паука я протянул по всему этому крутому склону рвы-ловушки, которые я позже мог перестроить в террасы и тротуары, но сначала эти рвы могли защитить долину от падающих камней. Все эти действия, как выяснилось

позже, оправдали себя наилучшим образом. Но даже против этих защитных мероприятий снова выступил геолог доктор Браун-Штингель, предложив построить в долине огромный улавливающий бассейн, который нанёс бы ущерб всему ландшафту долины и был бы по затратам для меня не приемлемым.

Чиновники не знакомы с практикой

Из своего опыта я понял — чиновники очень мало обращают внимания на практический опыт. Моё впечатление, что эти господа, напичканные теоретическими знаниями в университетах, хотят нам свою «школьную мудрость» навязать независимо от затрат.

Это абсолютно неправильное отношение к природе. Часто их решения с экологической точки зрения не продуманы, а с экономической бессмысленны. Мои же мероприятия, напротив, очень эффективны, и до сегодняшнего дня доказывают, что были абсолютно правильными. Однако лесничество объявило эти эффективные мероприятия опустошением лесных массивов и завело процесс против меня. Они обвиняли меня в использовании лесной почвы, на которую я не имел права, и заставили меня платить штраф в размере 30 000 шиллингов (2180 евро), плюс судебные издержки. Я опротестовал такое решение и опять пошёл по инстанциям. Административный суд меня оправдал и нашёл грубые процессуальные ошибки властей. После завершения суда я получил назад весь выплаченный мной штраф.

Позже против меня ещё много раз заводились штрафные процессы касательно переделки докупленных земельных участков, выкорчёвывания.

Пройдя через всё это, я смог всё же добиться признания моего способа ведения агролесного хозяйства как — пермакультура Хольцера.

Бессмысленные предписания, как вести хозяйство с загонами для диких животных

Реванш властей с этим случаем был далеко не закончен. Мне предстояло пройти целый ряд различных проверок. Проверяли, к примеру, пруды и загоны.

Во время судебного процесса касательно загонов Земля Зальцбург не скупилась на расходы — эксперты, юристы и даже целая комиссия выступали против меня. Для меня это было просто издевательством. Даже мои подростки обратили внимание на доктора «лакированный башмак», так они его называли, — юриста от Земельного правительства, когда он появлялся. Выходя из машины, он всегда переобувал свои шикарные лакированные башмаки и надевал сапоги. А когда мы сходили с насыпной дороги, он обувал горные ботинки. Это процедура с переобуванием всякий раз длилась до получаса.

Какими далёкими от практики и чуждыми являются чиновничьи требования, показывают предписания экспертов в отношении вольеров и ухода за жи-

вотными: я должен был построить места, дающие тень; бросать ветки для игры; места для кормления забетонировать или, как минимум, регулярно дезинфицировать формалином.

Но когда загон составляет 30 га и почти на 2/3 густо зарос кустарником и деревьями так, что животных редко можно увидеть, тогда сразу видна бессмысленность таких требований. Места кормёжки я и без того менял постоянно, что естественным способом уменьшает риск переноса паразитов. Эксперт обязал меня два раза в год при помощи медикаментов лечить животных от паразитов. В связи с тем, что я регулярно перевожу животных в новые загоны, мне удаётся содержать животных без паразитов — это подтверждает ежегодный контроль ветеринаров.

Применение высокоядовитого формалина, вызывающего развитие рака, для меня теперь не вопрос. Я так удивлялся мероприятиям, которые налагали на меня чиновники, что спрашивал себя, не карнавальная ли это шутка? Однако мне ответили, что я должен следовать предписаниям. Эти бессмысленные теоретические советы я, конечно же, не принимал всерьёз и не думал следовать им.

Из приведённого ниже отрывка экспертизы ветеринарно-экологической охотничьей комиссии из министерства Земли Зальцбург, от 7 декабря 1995 года, видно, как далеко зашли требования. «[...] 9. Зимой звери должны быть обеспечены в достаточном количестве водой гигиенически хорошего качества (природный источник или поилка) и необходимым этому виду животных питанием. Животные должны иметь возможность в любое время подойти к соленным камням. Кормёжка должна происходить ежедневно, по возможности в одно и то же время. Избегать резкой смены состава корма, ширина кормушки для косуль 35 см, для оленей 60 см. Одиночные места кормёжки, стог сена и соленные камни должны находиться на расстоянии не менее 6 метров друг от друга и быть защищёнными от солнца, снега и дождя. Земля вокруг кормушек должна быть из влагопропускающего гравия или легко очищающегося бетона. Чистка и дезинфекция кормушек минимум 2 раза в год через две недели после лечения животных от паразитов.

10. Лечение от паразитов производится два раза в год (весной и осенью) после лабораторного обследования кала на содержание паразитов.

11. Во время зимних месяцев в различных местах загона для обгладывания коры, игры и почёсывания должны быть выложены деревья».

Последний неоконченный процесс

В конце 90-х я арендовал на 30 лет у соседей, Гюнтера и Мариэллы Ангерманн, 5 га земли, граничащие с Риберном. Эти пахотные земли использовались в последнее время для выпаса баранов и свиней. Так как соседи тянутся к природе и поддерживают мою работу, впечатлённые тем, что за короткий срок у меня всё так хорошо выросло, они сами предложили свой участок под перма-

культуру на долгие годы. Сразу же после подписания договора я начал обустройство, нужно было исправить разрытое свиньями и восстановить дренажную систему. С помощью двух экскаваторов эту работу можно было сделать за несколько дней.

После всего, пережитого мной, и всех «хороших» предписаний властей я уже не любопытствовал и, опасаясь оползней, сделал эту работу за выходные. Шустрые экскаваторщики работали даже ночью с прожекторами.

Утром в понедельник, в 9.00, когда я загружал саженцами и семенами трактор, меня начала штурмовать группа представителей власти вместе с бургомистром. Как только они появились на моём участке, я сразу понял, что они настроены против меня. Геолог опять потребовал от меня построить селезащитный бассейн из речных тяжёлых камней на этих 5 га, где было достаточно места для него.

Мы стояли на вершине участка, на улучшенной топи размером 12 м кв. и до 60 см глубиной. Когда руководитель переговоров Герхардт Ортнер увидел это, он закричал на меня:

— Теперь вам не сносить головы, вы ещё и пруд здесь построили! Это же бомба замедленного действия, я буду звонить в прокуратуру!

Достал мобильный телефон и начал звонить, присутствующие эксперты стали поддерживать его.

Переговоры были перенесены в Тамсвег. На следующий день появились жандармы с экспертом Вальтером Рорингером. Целый день эти незваные гости ходили по участку, записывая нарушения. Вертолёт из министерства дополнительно делал фотографии с воздуха. Они решили массированно, всеми возможными средствами напасть на меня.

Какую выбрать дорогу? Я знал одного эксперта в звании дворового советника, дипломированного инженера доктора Кинбергера. Он обладал настоящим пониманием вещей. Было общеизвестно, что он работал по миру там, где другим не хватало опыта, и был признанным экспертом по механике грунтов. Я попросил его сделать заключение и высказать своё мнение. После своей оценки он сказал мне дословно следующее:

— Г-н Хольцер, оставьте всё как есть, ничего не случится. Я был бы рад, если бы все обходились с землёй, как вы. Моё мнение: к сожалению, власти посылают всегда некомпетентных оценщиков. Опытный эксперт определит с первого же взгляда, произойдёт что-нибудь или нет. Государственный геолог, не изучивший этого на практике, не должен привлекаться к данному делу.

Так как власти не вернулись ко мне с первоначальными обвинениями, был заведён штрафной процесс властями заповедника. Они рассматривали мою работу как изменение культуры из луговой в пермакультуру, для этого по Зальцбургскому Закону «Защиты природы», имея 5 000 м кв., необходимо было иметь разрешение, и требовали от меня вернуть всё на свои места. Мне было

непонятно, как Зальцбургская адвокатура заповедника, не видя проведённых работ, подключилась к этому?

Ответственному за все эти процессы областному лесному инспектору Тамсвега Бонимайеру я говорил о том, что его интерпретация закона сомнительна и далека от практики. На что он сухо отвечал, чтобы я жаловался политикам, а он лишь — исполнитель. Между тем прошло много лет, а на участке никаких ЧП не произошло, даже, наоборот, уже в первые годы овощная страна пышно разрослась и пермакультура хорошо развивалась.

Этот проект много раз был снят на плёнку; немцы, итальянцы, англичане и даже японцы посылали съёмочные группы и снимали фильмы. Есть собственное видео под названием «Террасы, гряды и ведение агролесного хозяйства», которое можно приобрести у нас на сайте.

Три заведённых против меня штрафных процесса, а также и этот случай были, к моему удивлению, 28 февраля 2002 года так называемым Независимым Сенатом Земли Зальцбург благополучно закрыты. Это было сюрпризом для меня, потому что раньше меня оправдывали только в Высшем Суде. И всё же заведённые на меня дела, с огромными материальными затратами на жандармов, аэросъёмку и т. д., были закрыты из-за срока давности.

Моя стратегия защиты

Из огромного опыта взаимодействия с властями я сделал для себя вывод: обходить эти места — вместо того, чтобы с ними кооперироваться. Я хочу обосновать своё решение. Идеально, если бы граждане и власти смогли кооперироваться. По моему мнению, Закон служит гражданам, при этом чиновники должны осуществлять консультационную и служащую функции. Правда, это редко происходит, и для меня лучше — чиновникам не доверять и дать им первыми сделать ошибку. Пример: во время одного судебного процесса ко мне пришёл чиновник, чтобы осмотреть со мной вместе участки леса. Я предполагал, что он пришёл с целью только подтвердить заключения коллег и друзей из первой инстанции, и не пошёл с ним. Он спросил, когда и что я посадил на участке. Я перечислил ему целый перечень лиственных и хвойных деревьев, а также кустарников, в том числе и их ботанические названия. Господин всё в точности записал. Целый день он ходил один по участку, делал множество фотографий и в своём заключении пришёл к выводу, что достаточно ограниченного количества конкретных лесных пород деревьев, чтобы признать этот участок по закону — лесом. Причина же этой заварушки была в том, что по «Лесному Закону» я не имел права вносить изменения в участок леса, при этом мне запрещалось хозяйствование с целью возделывания пермакультуры.

Выражая своё мнение по поводу решения комиссии, на слушании этого дела я сказал, что эксперт ошибается, когда говорит, что у меня встречаются *Sorbus aucuparia* (рябина обыкновенная), *Sorbus domestica* (рябина домашняя)

или *Juglans nigra* (чёрный грецкий орех) и т. д. Я также сообщил властям, что эксперт, возможно, заблудился и зашёл на участок к соседу, где и провёл осмотр, ведь на моём участке все эти сорта не растут. По правде говоря, у меня имеются в лесу плодовые деревья, а по закону высадка плодовых деревьев в лесу запрещена, считается, что это опустошение леса, соответственно — использование угодий не по назначению. На некоторых деревьях ещё находились сортовые этикетки, и эксперт при обходе аккуратно их переписал. Он утверждал, что я действую против закона и использую эти территории в садовых целях.

Я выступил против этого аргумента и сказал, что эти флажки-этикетки служат для отпугивания дичи. На некоторых деревьях висит даже множество этикеток с надписями различных сортов плодовых культур. Я высказал опасение, что эксперт не только не может читать план, но и распознать сорта деревьев. Таким образом я мог растянуть процесс во времени.

Так в трёх случаях штрафные преследования против меня были закрыты уже во второй инстанции, и преследования Окружного суда Тамсвега не принесло плодов, так как вышестоящая инстанция — Сенат, закрыла все три случая за давностью лет.

Между тем надоедливый чиновник перевели, а с его преемником мы нашли общую основу для разговора, и этот процесс закончился для меня благополучно.

Проблема с налогами

До того дня, как я выкупил Рибернский участок у государства, он был большей частью непродуктивный, каменистый, и только часть его была лесным заповедником. Для хозяйствования на таких участках заповедника обычно предоставляются общественные средства. Благодаря моей перестройке — озеленению и террасированию, камни больше не скатываются в долину, что раньше часто происходило. И я не ставлю заявлений на премию за содержание заповедного леса.

Культуры на новом участке развились особенно хорошо, не нужные раньше камни и скалы я смог использовать как «кафельную печь» — так называемые накопители тепла для особенно теплолюбивых растений и деревьев, таких, как каштаны, абрикосы, персики и грецкий орех. Это пышное цветение министерство финансов не оставило незамеченным. Журналисты, которые подключались к экскурсиям, парили в своих репортажах над райским ландшафтом здесь, в Крамтерхофе, что также привлекло внимание финансовых органов. В 1998 году пришёл внеочередной перерасчёт единого показателя, по которому считывались сдача сельхозпродукции, налоги, а также социальная страховка.

Эксперты из налоговой службы взяли под скрупулёзный осмотр мой способ хозяйствования и оценивали его по продуктивности. Они определили, что участок, благодаря террасам и дорогам, намного легче обрабатывается, и, к

тому же, урожайность здесь намного выше. Теперь этот участок из непродуктивного стал садоводческим. Поэтому единый показатель повысился с 24 000 (1 744 евро), со всего хозяйства, до 247 000 шиллингов (17 950 евро) — больше чем в десять раз. Так как я провожу семинары, доклады и консультации — это род моей деятельности, и он облагается налогом как предприятие сферы услуг. Так, будучи горным крестьянином и предпринимателем сферы услуг, я должен в полной мере оплачивать предпринимательские налоги.

Наложённая на меня налоговая нагрузка, по-моему, завышена. Не оставляет сомнений, что мой способ хозяйствования — Хольцеровская пермакультура, в действительности экологичен и экономически более выгоден, чем традиционный вид хозяйствования.

Взгляд чиновника

Арно Ваттек долгое время был шефом Областной Лесной Комиссии Тамсвега. Из-за него мне пришлось преодолевать много проблем. Одна из них — судебный процесс, описанный мной раньше, по делу директора, который, не имея охотничьего билета, охотился у меня на косулю.

На одном из собраний по поводу повышения Ваттека и присвоения ему титула придворного советника (в то время я представлял интересы крестьян в Областной Крестьянской Палате Тамсвега) зачитывались все заслуги новоиспечённого придворного советника. Во мне поднялась горечь, которую я не хотел скрывать. Этот господин не раз делал мою жизнь тяжёлой. Я уже ждал, когда подойдёт моя очередь выступать, чтобы открыто высказать свою точку зрения о его работе.

Сидящий напротив меня, он, я думаю, прочитал по моему лицу, что сейчас будет, и попросил слова. Я был вынужден отложить своё нападение. К моему удивлению, он рассказал, что в ходе своей службы был часто несправедлив ко мне, и просит за это прощение, а в заключение спросил, хочу ли я высказаться? Я был ошеломлён. Своим выступлением Арно Ваттек в самый последний момент забрал весь ветер из моих парусов. Мы пожали друг другу руку, и на этом тёмная страница истории была закрыта. Его высказывание, что на него оказывали большое давление, долго не давало мне покоя.

В 2001 году Ваттек вместе с сыном и шурином записался на однодневную экскурсию, на которой также присутствовало 58 человек. Стоя перед изменённым участком леса, я подробно рассказывал, как и что переделывал. Арно попросил разрешение сказать пару слов. Он объяснил присутствующим, что был тем чиновником, который преследовал и несправедливо ко мне относился. Он хорошо знал мой участок и удивлялся, как всё развилось. Он высказал надежду, что моя работа будет лучше понята и поддержана, и поздравил меня с большим успехом. Участники экскурсии были озадачены, и спрашивали, как он справился с несправедливостью в себе.

Перед Арно Ваттеком сегодня я снимаю шляпу, потому что он через свой благородный поступок показал мужество, признав свои ошибки, и открыто выступил в радиопередаче в апреле 2002 года, ещё раз извиняясь передо мной. Многие могут взять это себе в пример, так из врагов могут появиться друзья. Другие, оказывавшие давление на власти, а значит, и на меня, не имеют этой человеческой высоты, им не хватает мужества извиниться, но я замечаю, как они, окольными путями, при моих докладах радостно и восторженно хлопают мне в ладоши. Так могут изменяться время и люди. Из-за большого интереса к этой радиопередаче был выпущен CD, который можно приобрести у меня.

Мой опыт работы в Палате Советов и Сельсовете

Мой хороший знакомый, депутат Парламента, вице-бургомистр Отмар Бруннер часто посещал Крамтерхоф, когда были ещё парк с дикими зверями и гостиница. Он был тем, кто в длинных вечерних беседах уговорил меня записаться в кандидаты в Сельскохозяйственную Палату и областную Крестьянскую Палату. Тогда я не воспринимал это всерьёз. Ещё не было Палаты Советов в районе. В тайне мне это дело не было неприятным, я чувствовал, что есть шанс в нашем профессиональном представительстве сделать что-то, чтобы восторжествовала справедливость.

Бывшее тогда «красное правительство» и «красный» министр сельского хозяйства внушали веру, что мои шансы не безнадёжны.

Для меня было большим сюрпризом то, что на выборах я получил мандат. Такого никто не ожидал, а насколько это будет тяжело, я тогда даже не предполагал, но было понятно одно: крестьяне из Лунгау очень хорошо приняли меня. Теперь я мог широко применять свой опыт: от одного человека до аграрного товарищества, всюду, где просили меня о помощи, в основном, это были крестьяне, просившие представить их интересы в администрации или в гражданских делах. Эта деятельность, на общественных началах, стала постепенно занимать у меня всё больше времени, так, что уже не хватало времени на собственное хозяйство.

Неприятный случай произошёл на одном собрании, когда в повестке дня «возможное» я сообщил о своём успехе в разведении лесных грибов. После того, как мне впервые удалось культивировать на моих опытных участках лисички обыкновенные, мне захотелось рассказать об этом на собрании. Я сам был несказанно счастлив успешностью разведения, однако реакция на моё выступление было покачивание головами моих коллег, а секретарь Палаты, дипломированный инженер Ёханн Бруннауэр спросил, не собираются эти грибы в лесу, и кто их будет у меня покупать? После чего пошла весёлая ироничная шутка в зале. Для меня разведение лисичек было большим достижением, я был удивлён, что меня не понимали. Тогда я подумал, что пока у нас есть и удавшиеся от природы, имеющие право голоса, находящиеся под давлением аграр-

ной индустрии и товариществ, будут консультантами и представителями интересов крестьян, до тех пор не будут продвинуты экологические новшества в сельском хозяйстве. Послушав интервью с господином Бруннауэром, сидящим теперь в Зальцбурге членом Высшего Совета Народнохозяйственной Палаты, где ему задавали вопросы обо мне, я понял, что он и до сегодняшнего дня ничему не научился.

Многие процессы и дела с моей помощью заканчивались для крестьян успешно. Очень скоро я перестал быть «белой вороной», а стал уважаемым представителем. Крестьяне быстро осознали преимущества, когда на заседаниях сидят их представители от всех партий. Моя работа сводилась к представлению интересов крестьян и никогда — интересов партии. Многим коллегам, находящимся в финансовых затруднениях, я смог помочь через министра сельского хозяйства. Крестьяне были благодарны мне за это, только так я могу объяснить свой успех в последующих двух выборах.

Через 15 лет я закончил свою работу в Палате, сдал мандат члена партии. Одновременно с этим я 10 лет был представителем в Сельсовете Рамингштайна, где решалось не меньше проблем, чем в Палате.

Сегодня меня уже ничто не может так легко вывести из спокойствия, после всего, что мне пришлось пережить, пока я был представителем от крестьян.

Различные интерпретации «Лесного Закона»

Насколько по-разному можно трактовать закон, видно из моего опыта в Тироле. При консультации в Куфштайне я предложил перестроить тридцатилетний ёлочный лес. Для этого было необходимо вырубить небольшие участки леса и на освободившейся территории высадить редкие ценные породы лиственных или диких плодовых деревьев. Так как ёлки были уже достаточно большими, потребовался экскаватор, чтобы выкопать корни. Для обхода участка хозяин пригласил инспекторов леса. Эти господа были абсолютно согласны со мной и сказали хозяину, чтобы он выставил счёт за выкорчеванные деревья областной инспекции — такие мероприятия финансируются местным правительством, ведь речь идёт о Тироле — лесной жемчужине. Я не мог поверить своим ушам, как благосклонно к крестьянам применяют тирольцы «Лесной Закон».

У меня, в Зальцбурге, ситуация совершенно иная. За высадку растений и восстановление природы власти преследуют меня как за опустошение леса, что влечёт за собой длительные судебные тяжбы.

Даже самое простое — высевание первородных зерновых в лесную почву, по словам Бонимайера из высшего Лесного Совета Зальцбурга, чуждо лесу, и по закону это факт опустошения.

Должен заметить, что лесная почва для высевания первородных злаков не должна быть вспахана. Где здесь опустошение, мне не совсем ясно,

с моей точки зрения, почва только улучшается из-за высева первородного зерна в смешанной культуре, и никогда не подвергается опасности опустошения. Жизнь в почве активизируется, и часто лесные кислые почвы оздоравливаются, увеличивается способность накапливать воду, следовательно — обмен и выработка питательных веществ, всё это для хвойного леса будет только полезным. Дополнительно позитивный аспект — в лесу появляется избыток корма.

Благодаря таким мероприятиям увеличивается содержание влаги в лесной почве, что для меня является основным в здоровом хозяйствовании в лесу. Здоровая почва имеет большую способность к накоплению воды, чем дегенеративная. Это балансируется выбросом воды из источников, так можно предотвратить такие катастрофы, как сель и наводнения, ведь здоровые деревья с сильными корнями мешают этому. Соответственно, разнообразие растительности и смешанные виды деревьев страхуют склоны, накапливают воду и держат почву лучше, чем ёлочная монокультура. И то, что лесничество в этом случае всё равно говорит об опустошении леса, где воздействие является как раз противоположным, мне просто непонятно.

Судебный процесс из-за мельницы

Другой пример показывает общую проблематику с ведением лесного хозяйства, здесь особенно чётко видно, как «Лесной Закон», в 1975 году, интерпретировался против частной собственности.

С годами я постоянно расширял Краметерхоф, покупая различные участки. У соседа Изидора Лёкера я купил два участка с прудом и развалившейся мельницей. Я хотел отремонтировать и запустить её. Чтобы сооружение могло лучше функционировать, я купил у другого соседа, Леонхарда Ценера, участок 400 м кв., прилегающий к пруду и заросший кустарником, на который и вывалил весь ил со дна пруда экскаватором. Таким образом я сразу же отремонтировал мельничный пруд. Кустарники я засадил ивой и ольхой, принёс сюда корення с внесёнными спорами — для разведения столовых грибов.

Санация мельничного пруда для властей была достаточной причиной, чтобы — из-за 400 м кв. кустарника — задавать мне снова бесконечные вопросы об опустошении леса. Последовали комиссия за комиссией и судебный процесс без конца. Расходы, которые в связи с этим мне пришлось оплатить, многократно превысили стоимость приобретения участка и санации пруда. Из-за высаженных мной здесь черенков разных сортов ивы г-да Бонимайер и Хаупольтер признали это место лесом, по закону. Это противоречило моей методике хозяйствования, я мог использовать также и этот, удобренный питательным илом, маленький кусочек земли в садовых целях. Когда я обрезал саженцы ивы, меня обвинили в опустошении леса, несмотря на то, что я высаживал их как раз с обратной целью.

Было ещё много чего предпринято властями против моей практики и против моей собственности. Только годы спустя благодаря разрешению так называемого корчевания этот процесс был закончен.

Я сегодня удивляюсь, где я нашёл столько энергии и выдержки, чтобы выстоять все эти раздутые процессы. Описанные мной в этой книге случаи показывают всего лишь кусочек пережитого мной. У меня на чердаке коробками хранятся акты, папки с документами проектов и планов, которых хватило бы на много книг.

Склад

Товариществом был построен склад, который должен был служить для членов товарищества и крестьян. По моему же мнению, он развился в конкурента для крестьян: к примеру, склад продавал готовые к употреблению дрова, метровые поленья из Чехии и других стран, саженцы плодовых деревьев, ягодных кустарников, а также декоративных растений. А члены товарищества остались при этом сидеть на своих дровах.

С ценообразованием на этом складе я, как крестьянин и как их профессиональный представитель, собрал негативный опыт. Маленькие частные предприятия предлагали товар намного дешевле, при этом — с прекрасной профессиональной консультацией. Из-за твердолобости и узкого взгляда некоторых менеджеров товарищества мне приходилось обращаться за правовой помощью. Которая, справедливости ради нужно сказать, всегда разрешалась для меня благополучно. Я хотел бы подробнее рассказать один пример.

Разработанное мной средство от поедания животными плодовых культур многие годы служило прекрасной защитой. Спрос разрастался, и мне не стало хватать времени для производства этого средства. В то время на складе тоже пропагандировали средство вместе с опрыскивателем для отпугивания животных. После консультации я купил большое количество этого средства и нанёс его по инструкции.

Вернувшись весной из-за границы, я сразу же отправился осматривать свои культуры и с ужасом обнаружил, что все обработанные средством деревья были объедены, всё выглядело так, будто препарат притягивал к себе животных, вместо того, чтобы отпугивать. Я, разгневанный, обратился на склад с требованием проверки и возмещения убытка. Они не хотели соглашаться и высказали мне, что это я сам виноват, применяя этот препарат для лиственных деревьев на этой высоте.

Мне не оставалось ничего другого, как обратиться к эксперту и за правовой помощью. Во второй инстанции, в Высшем Суде Линца, я получил требуемые мной 230 000 шиллингов (16 715 евро).

Проверяя это дело дальше, я пришёл к выводу, что склад в Лунгау не принял во внимание предложенные производителем этого препарата курсы по обучению, так что вся ответственность ложилась не на продавцов, а на руководство склада.

Опыт с людьми

Горькое разочарование я пережил в одном банке, когда передал сотруднику банка 200 000 шиллингов (14 535 евро) наличными и ожидал квитанции. Чиновник, в это время болтая, видимо, со знакомым, сказал, что вышлет квитанцию вместе с выпиской из счёта. Такие денежные операции были для меня обычным делом, я согласился и попрощался с ним.

Проверяя мои счета за год, я заметил, что эта сумма нигде не фигурирует, я тут же позвонил в банк, чтобы узнать, где мои деньги. Первым ответом было требование предоставить квитанцию. При дальнейшей проверке я выяснил, что её никто мне не выписывал и не присылал. Несмотря на тщательные поиски ни у меня дома, ни в банке её не обнаружили, а без неё я до сегодняшнего дня так и не смог получить свои деньги. Я был наказан за слепое доверие. Моя философия говорит мне, что в природе присутствует 100-процентная справедливость, которая даёт мне надежду, что это разгильдяйство в один прекрасный день само раскроется.

В жизни мне пришлось столкнуться со многими проблемными случаями, моя стратегия — перемещать себя в положение пострадавшего и с этой точки зрения находить причину — подтвердила себя наилучшим образом.

Один дружелюбный крестьянин, готовый всегда прийти на помощь, мастеровой, с которым пересеклись наши пути на моём участке, рассказал мне о неразрешимых проблемах. Он поддержал своего соседа на переговорах о строительстве, при этом вызвал недовольство бургомистра и представителей властей. В дальнейшем ему пришлось сражаться по вопросу дороги с Сельсоветом, а также его давила финансовая нагрузка из-за строительства канала и дороги.

Эти разногласия дошли до того, что он в своём отчаянии дошёл до угрозы, что тут же использовали против него представители властей и бургомистр. Мой друг был членом охоттоварищества Рамингштайна, заядлым охотником и лесником. Для него в одночасье рухнул мир, когда появились жандармы, прибывшие по приказу властей, чтобы конфисковать оружие. Ему грозили за его резкие высказывания обыск и препровождение в исправительное учреждение. Его уже лишили охотничьего билета, теперь ему грозило исключение из товарищества, к тому же, финансовые проблемы с Сельсоветом были непосильны. Эта кризисная ситуация отразилась, конечно же, и на семье, что было вполне естественным. Слушая его, я вспомнил о собственном горьком опыте с охотными властями. Я сразу почувствовал, что эта настоящая проблема может сломить

его. Мне было ясно, что я использую все возможности, чтобы помочь ему. Но чем мог я помочь ему?

Ситуация была тяжёлой. Сначала я попросил сейчас же принести всё оставшееся оружие и взрывчатку ко мне, так как он имел разрешение на проведение взрывных работ. И посоветовал обратиться с этой щекотливой ситуацией к одному человеческому адвокату, доктору Родериху Зантнеру из Тамсвега. Всё принесённое моим другом я передал адвокату. Суд отнёсся к нему позитивно, и, кажущаяся неразрешимой, ситуация улучшилась.

Самое важное при этом — он не должен был быть изолирован от охоты, я успокоил его и предложил ему охотиться у меня до тех пор, пока всё разрешится. Мы оба понимали, что это нелегально, я сильно рисковал, разрешая охотиться человеку, лишённому оружия и охотничьего билета, но я очень хорошо знал его. Этим предложением я «выпустил пар» моему другу, ситуация стала сносной.

Спустя несколько лет всё стало хорошо, ему вернули охотничий билет и приняли в охоттоварищество. Сегодня он уже пенсионер и любим всеми, как никогда.

Наше правовое государство даёт представителям власти много возможностей к действию и ограничениям, но насколько они необходимы, проверяется в редких случаях. К сожалению, слышишь или читаешь почти ежедневно о человеческих трагедиях, когда люди не видят больше света. Последствия знает каждый, затем следуют вопли. Главное — увидеть проблему заранее и вовремя её разрешить.

Сады разнообразия: Крамтерхоф сегодня

Пермакультура — дорога для всех

На многие вопросы крестьян, занимающихся традиционным хозяйством, и констатацию: «Это можешь только ты сделать!», «Здесь на машине не проедешь», «Как ты хочешь опрыскивать и удобрять?» — я хочу сказать, во-первых, что применять машины на склонах можно только ограниченно, или вообще нельзя — это стоит дорого и не окупается; во-вторых, ни удобрение, ни опрыскивание при таком способе хозяйствования вообще не нужны — я произвожу полноценные продукты питания, а не питательные средства.

Пермакультура необходима каждому, тогда человек будет чувствовать себя, как в раю. Разнообразие даёт возможность природе, как крестьянину, работать на меня. Она везде предоставляет различные возможности, которые нужно только познать и использовать.

В традиционном сельском хозяйстве каждый является конкурентом для другого: если один имеет 100 свиней, то другой хочет иметь 200; один имеет 10 быков, другой хочет — 15; у одного трактор в 100 лошадиных сил, другому хочется — мощнее. Такая конкуренция повышает продуктивность, но продукт становится дешевле. Становится совсем плохо, когда дополнительно применяется химия, раскручивая это колесо дальше — цена на продукт ещё уменьшается. Так продукт питания деградирует в питательное средство, часто — с потерей вкусовых качеств из-за большого количества нитратов и тяжёлых металлов.

Мой способ хозяйствования — это экстенсивная работа. Собирают урожай клиенты. Людям предоставляется возможность наладить снова связь с природой и продуктом, и если они не могут производить его сами, то, как минимум, могут собрать. Люди при вкушении этих продуктов чувствуют, что они вкуснее, и ощущают себя лучше и здоровее.

Относительно шансов производства я хочу ещё сказать — важно оптимально использовать природные возможности и особенности местности. Если эскимосы на севере и негры в Африке будут сажать одни и те же растения, то они помрут с голоду. Большую ошибку в этом отношении делает сегодня европейская аграрная система, предписывая в горных районах тот же объём и те же цены, что и в благоприятных для выращивания условиях низин.

На мой взгляд, в городах имеется большой потенциал людей, ищущих дорогу обратно к природе. Им необходимо только показать, как можно простейшим способом выращивать самим овощи, фрукты и зерновые.